

M. 119.3

66
85
04
15

M. 119.3

1955

ПРОВЕРЕНО
1946 г.

8(c)P-18
A-66

Народныя сказки Костромской губерніи,

записанныя въ 90-хъ годахъ XIX ст. священ. А. Андрониковымъ.

Свящ. Александръ Степановичъ Андрониковъ (1869—1894) родился въ селѣ Пыщугѣ, Ветлужскаго уѣзда, окончилъ курсъ въ Костромской семинаріи и былъ священникомъ сначала въ с. Медвѣдихѣ, Варнавинскаго у., а потомъ въ с. Пльинскомъ, Челпановской вол., Костромскаго у., гдѣ и скончался на 26-мъ году жизни.

Ставъ священникомъ, по собственному признанію, лишь потому, что это была единственная дорога, открывшаяся передъ нимъ по выходѣ изъ семинаріи. А. С., тѣмъ не менѣе, огнеся къ выпавшей на его долю службѣ не формально, не только какъ къ средству къ существованію, а вложилъ въ нее душу и стремился воплотить въ своей жизни идеаль «іерея—апостола, не имущаго ни пиры, ни посоха, ни двухъ одеждъ».

А. С. обладалъ недюжинными способностями, но заботы, связанныя со службой, необезпеченность, отсутствіе литературныхъ связей и наконецъ—ранняя смерть не дали ему выступить на литературное поприще, къ которому онъ стремился. Почти все написанное имъ осталось не напечатаннымъ, кромѣ бытовыхъ очерковъ, помѣщенныхъ подъ заглавіемъ «Баковщина» въ № 18 «Костр. Еп. Вѣд.» за 1889 г. Кромѣ многочисленныхъ стихотвореній послѣ покойнаго осталось нѣсколько рукописей, въ томъ числѣ литературныя очерки подъ названіемъ «Страничка изъ жизни духовенства», впоследствии попавшіе въ чужія руки и утраченные, и дневники, относящіеся къ его юношескому періоду и первымъ годамъ служенія.

Тепло написанный другомъ покойнаго, священ. А. Говорковымъ некрологъ А. С. Андроникова напечатанъ въ № 16 «Костр. Еп. Вѣдом.» за 1894 годъ.

Настоящія сказки, записанныя А. С. въ с. Медвѣдихѣ въ 1888—89 гг. и сохранныя его вдовой, Александрой Васильевной, когда то очень заинтересовали покойнаго писателя В. В. Лесевича, который въ началѣ 90-хъ годовъ сдѣлалъ, безуспѣшную по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ, попытку къ ихъ напечатанію.

Ни то, ни се.

Жилъ-былъ солдатъ. Звали его «Ни то, ни се». А за то его такъ звали, что былъ онъ человѣкъ ни плохой, ни хорошій, ни храбрый, ни робкій, ни пьяница, да и вышить любилъ, одно слово былъ онъ «Ни то, ни се».

Когда онъ умеръ, оставилъ послѣ себя стариковъ-родителей, жену-бабу еще молодую, да двухъ сынковъ-малолѣтчиковъ: одного по шестому году, другого по четвертому.

M 119.3

Нужно было солдатике на томъ свѣту мѣсто отвести, какое онъ себѣ заслужилъ; ежели много нагрѣшилъ, — адъ кромѣшный, а коли Богу угодилъ, то рай пресвѣтлый. И вышло на повѣрку, что и на томъ свѣту онъ «ни то, ни се», значить, изъ грѣшныхъ по-выбился, да и въ праведные не попалъ. Куда его дѣвать? Думали, думали и поставили солдата у райской калитки на караулѣ стоять; должность-де ему уже знакомая, къ тому же и пріятная: нѣтъ, нѣтъ, да и донесется до него по вѣтерку изъ рая ангельское пѣніе.

Стоитъ солдатъ на караулѣ. И пришла къ калиткѣ Смерть Красная: одинъ костякъ въ саванѣ бѣломъ, на плечѣ большая коса, которой людей косить. Солдатъ сперва бробѣлъ, а потомъ подумалъ: «чего мнѣ бояться»? Я ужъ умеръ, значить не ко мнѣ пришла. Подтянулся, окликнулъ: «кто идетъ»? — Это я — Смерть Красная, пришла у Истиннаго Христа себѣ дѣла просить. Можно ли мнѣ въ рай войти? Видитъ солдатъ, что Смерть вовсе не страшна: рѣчь такая тихая, смиренная; набрался храбрости и говоритъ: «Не время, сударыня, обожди малость, а то ежели по скорости нужно, посиди тутъ, я о тебѣ доложу». Доложи, солдатикъ, я отдохну немного, изустала... Вошелъ солдатъ, докладываетъ, что пришла Смерть Красная, себѣ работы просить. И говоритъ на это Истинный Христосъ: «Пусть этотъ годъ смерть косить дряхлыхъ стариковъ да старухъ».

Пошелъ солдатъ назадъ, а самъ раздумался: «ну, не сдобровать моимъ родителямъ, пришелъ ихъ чередъ, давно ужъ имъ сюда перебираться нужно. Эхъ, умрутъ, — худо будетъ: закурить моя Домна безъ стариковъ-то. Еще и при мнѣ она извадку поимѣла, извѣстно, — солдаткино дѣло мірское... А при старикахъ все бы получше... Что, развѣ обмануть костяную-то? Авось не сдоганется».

Растолкала солдатъ Смерть Красную; та, было, вздремнула. «Слушай приказъ», говоритъ: «вотъ тебѣ дѣло на годъ: поди по болотамъ, собирай тамъ колоды да носи ихъ въ кучу!» Подивилась Смерть; отъ роду этого дѣла у ней не бывало, и не домекнулась, что этотъ приказъ не отъ Истиннаго Христа, а солдатомъ выдуманъ. Дѣлать нечего — пошла. Кое какъ годъ прошелъ. Гнилыя колоды надоѣли, измаяли бѣдную. Иную только возьметъ, она вся трухлявая, развалится, какъ ее въ кучу нести? Черезъ годъ Смерть опять у калитки, въ рай просится о новой работѣ узнать. Солдатъ и пустилъ бы, да думаетъ: а ну какъ пожалуется? Будетъ мнѣ нахло-

бучка. «Отдохни, голубушка, говоритъ онъ, будто жалѣючи, устала — твое дѣло не легкое. Я за тебя справлюсь, посиди тутъ». И пошелъ докладывать, что пришла Смерть, на годъ просить себѣ работы. «Пусть на этотъ годъ губить она людей молодыхъ и здоровыхъ, — говоритъ Истинный Христосъ».

Упало солдатское сердце. И радъ бы онъ съ Домной повидаться, да и то думаетъ: все равно вмѣстѣ мы не попадемъ: нечего бабѣ у калитки дѣлать, а дома останутся двое старыхъ да двое малыхъ. Плохо дѣло... и не хошь, да солжешь». Даже осерчалъ на Смерть Красную. «Слушай приказъ, — говоритъ ей въ сердцахъ, — поди на лѣсныя сѣчи и самые здоровые пеня и коренья корчи и клади въ одну кучу». Всплакнула даже Смерть Красная. За что ей такое наказаніе? Однако перечить не посмѣла и пошла свой урокъ исполнять. Прошелъ и этотъ годъ. Дологъ онъ смерти показался. Пни и коренья насадившіе колоды были. Идетъ опять къ знакомой калиткѣ. «Нельзя ли, солдатикъ, мнѣ самой доложиться?»

Смекнулъ солдатъ, что опасно Смерть допустить; хоть жаловаться ей и въ голову не приходило, однако хотѣла она Истинному Христу въ ноги пасть и слезно Его умолить, чтобы сжалился и далъ дѣло привычное. А солдатъ себѣ на умѣ, знаетъ, что и безъ жалобъ догадаются о его проказахъ.

«Душой бы радъ, голубушка, тебя допустить, да не велѣно: за что-то на тебя осерчали. А приказали, когда придешь, о тебѣ доложить». Что тутъ дѣлать? Осталася Смерть опять у калитки, слезами обливается. Солдатъ пошелъ докладывать. «На этотъ годъ пусть мелюзгу обираетъ!» — задалъ урокъ Истинный Христосъ.

«Годъ отъ году не легче, думаетъ солдатъ, мои то ребяташки только подросли немного, Васька ужъ боронить, Ванька сѣно подгребаешь; Домна ему и грабли маленькія купила. Смахнетъ ихъ костяная, какъ былинки, не помилуетъ. Помянуть меня будетъ некому. Эхъ, совру послѣдній разъ... будь, что будетъ». И говоритъ солдатъ Смерти Красной: «Ну, нынче твоя работа полегче. Велѣлъ тебѣ Истинный Христосъ по зарослямъ лишній мелкій осинничекъ выбирать, людямъ помогать, нынче помилостивѣй сталъ, о тебѣ спрашивалъ, не больно ли худо стала?» Понурила Смерть свою голову и пошла на работу.

И третій годъ минулъ. Не все солдату обманывать. Довелось такъ, что когда Смерть пришла къ калиткѣ; попалась Самому Истинному Христу на очи; въ оконце онъ смотрѣлъ. И такъ-то она перемѣнилась, что онъ даже не призналъ ее съ виду, узналъ только по голосу. «Гдѣ ты, Смерть Красная, была? Что дѣлала? Отчего такъ худа стала?»—«Самъ ты, Истинный Христосъ, это знаешь, вѣдаешь. Самъ ты мнѣ скажи, чѣмъ я провинилась? За что немилостивъ? Даешь мнѣ работу неподходящую. Колоды и въ болотѣ бы сгнили, а сѣчи мужики вычистили бы, заросли опять зарастутъ».

И попался солдатъ, къ расправѣ потребовали. За всѣ его неправды присудилъ ему Истинный Христосъ носить Смерть по землѣ на закрошкахъ (т. е. на плечахъ) цѣлый годъ: пѣшей ей было трудно ходить послѣ той работы, что солдатъ-лгуны давалъ. Дали ему опять человѣческое тѣло, на землю спустили. Любо, не любо,—запрягайся. Тяжеленекъ бывалъ солдатскій ранецъ, а эта ноша не въ примѣръ тошнѣй: костями Смерть плечи натираетъ, а что всего хуже, такъ противно очень.

Зашелъ солдатъ въ кабакъ, выпилъ шкаликъ по старой привычкѣ, купилъ табакерку берестяную, табачкомъ ее насыпалъ; тоже извадка была. Ходить и понюхиваетъ со скуки да съ горя. Смерть Красная не знала, что за табакъ такой, и зачѣмъ люди нюхаютъ. Спрашиваетъ солдата: «Скажи, солдатикъ, что это у тебя?» «Спрось», огрызнулся онъ: «Кто спроситъ, тому въ голову сбросить». Такъ и не сказалъ. Да пристала Смерть: скажи да скажи. Известно—бабѣ дѣло—любопытна была. «Рай земной» пошутилъ солдатъ. А та с проста и повѣрила. «Что за рай, пусти меня въ земной рай!» Подивился солдатъ ея глупости, думаетъ: посадилъ бы тебя проклятую, лишь бы упряталась. Одолѣла Смерть, все проситъ: «Пусти меня въ рай земной!» «Не влѣзешь—велика, а носу у тебя нѣтъ, чтобы, по моему, значить», говоритъ солдатъ. «А я комаромъ обернусь», не отступается она.

«Молчи, надоѣла, а не то полѣзай скорѣй»..., а самъ и табакерку открылъ, думаетъ: «Добро бы влѣзла».

Смерть помахала косою надъ головой и обернулась комаромъ. Только влетѣла она въ табакерку, солдатъ мигомъ закрылъ ее крышкой, обвязалъ табакерку тряпичей покрѣпче и сунулъ за пазуху.

Цѣлый годъ гулялъ солдатъ по землѣ, обзавелся пріятелями, видѣлся и съ Домной; только та его долго боялась, за мужа долго не признавала. Пуще глазу берегъ онъ табакерку, какъ бы не обтерять. Найдутъ—развяжутъ... Нюхать даже пересталъ. Въ тотъ годъ на землѣ никого не умерло.

Незамѣтно время прошло. Пора опять на тотъ свѣтъ. Надо табакерку развязывать... Чуть не задохлась въ табакеркѣ Смерть Красная. Вылѣзла, еле оправилась, и первымъ дѣломъ—хватъ солдата своей косою. Умеръ солдатъ и на судъ предсталъ. Хоть и говорилъ онъ, что Смерть сама въ табакерку напросилась, послали его за это въ адъ. Объ одномъ лишь упросилъ солдатъ: дозволили бы ему еще пожить на землѣ недѣлку, дѣткамъ своимъ наказать, чтобы они по отцовскому не дѣлали, его злой доли убоялись. Только не къ дѣткамъ онъ пошелъ, а въ лѣсъ и нарѣзалъ тамъ цѣлую ношу лутошекъ (т. е. молодыхъ липокъ, съ которыхъ сдираютъ лыко). «Ну, теперь есть, чѣмъ отъ скуки и въ аду позаняться», говоритъ онъ.

Пришелъ въ адъ, не унываетъ, сѣлъ въ уголокъ, досталъ ножикъ и давай изъ лутошекъ крестикки вырѣзать. Подошли черти солдата мучить, а солдатъ возьметъ да крестикъ въ нихъ и броситъ. Испугались черти, побѣжали, а солдатъ въ догонку, всѣхъ разогналъ. Не стало отъ него въ аду житья. Стали Истиннаго Христа просить, чтобы солдата убрать. Дѣлать нечего—вывели. Только куда же его дѣвать? На томъ свѣтѣ такъ-таки онъ и не ужился. И послали его опять на землю: «живи-де, пока не надоѣсть, а намъ тебя не нужно»

(Записано въ Пыщугской вол., Веллужскаго у.).

Илья Пророкъ Грозный и Никола Милостивый.

Шли по крестьянскому полю Илья Пророкъ Грозный да Никола Милостивый. И дошли они до большой кулиги, (кулига—полоса) пшеницей засѣяна. Никола засмотрѣлся на хорошую пшеницу. «Смотри, говоритъ, Илья, какая пшеница-то матушка», Илья посмотрѣлъ.—«Хороша, говоритъ. А чья это пшеница, Никола?»—«Пшеница эта бѣднаго мужика Марка Терпѣливаго». «Ну такъ я эту пшеницу градомъ побью». «За что, Илья?»—«А не молится мнѣ Марко, ни молебновъ не поетъ, ни свѣчъ не ставитъ», сказалъ Илья. И не сталъ ему Никола перечить, зналъ, что толку не будетъ.

А жалко Николѣ мужика Марку Терпѣливаго; дѣло-то у него бѣдно было. Только и радости у бѣднаго было, что кулига хорошая. Приснился Никола Марку Терпѣливому и говоритъ: «продай ты, Марко, кулигу пшеницы Саввѣ Богатому, не то Илья пророкъ твою пшеницу градомъ побьетъ, а Савва тебѣ большія деньги дастъ».

Послушался Марко Николы Милостиваго и продалъ кулигу Саввѣ Богатому, тотъ давно на эту кулигу зарился и хорошия за нее деньги далъ. Илья того не зналъ и побилъ всю пшеницу градомъ.

И сошлись опять Илья да Никола на крестьянскомъ полѣ. Дошли до побитой кулиги, и говоритъ Илья: «видишь, Никола, какъ я побилъ пшеницу-то, авось Марко будетъ и меня знать!»—«Промѣтился ты, Илья, отвѣчаетъ Никола; ты еще не побилъ, какъ Марко продалъ пшеницу Саввѣ Богатому; у Саввы ты побилъ, не у Марка».—«Ну такъ я въ остатки хорошия умолотъ положу», говоритъ Илья: «Савва Богатый все мнѣ молится, такъ пусть онъ три снопа на овинъ сажаетъ, а четвертымъ снопомъ окно затыкаетъ и сберетъ онъ съ этого овина, что и съ настоящаго».

И приснился опять Никола Марку Терпѣливому.

«Возьми, говоритъ, кулигу у Саввы назадъ: въ побитой пшеницѣ онъ не подорожится, а про то не знаетъ, что Илья пророкъ въ остатки чудесный умолотъ положить. И сажай, говоритъ, ты на овинъ по три снопа, а четвертымъ окно затыкай и снимешь зерна съ такого овина, что съ настоящаго».

Послушался Марко Николы Милостиваго и купилъ кулигу, а Савва ему чуть не даромъ ее отдалъ. Собралъ Марко въ этотъ годъ немалые барыши, такъ, что изъ бѣдности повыбился.

Сошлись опять Илья да Никола. «Что ты Илья, гнѣвенъ сегодня?» спрашиваетъ Никола.—«А то и гнѣвенъ, что далъ я Саввѣ Богатому умолотъ чудесный, а Савва меня за это еще не благодаритъ». И говоритъ ему Никола: «Не Саввѣ надо благодарить тебя, а Марку Терпѣливому. Взялъ Марко свою кулигу у Саввы назадъ не за дорого, онъ и умолотомъ воспользовался». И говоритъ Илья:—«Ты, Никола, смута. Видно, что мы ни поговоримъ, ты все Марку пересказывалъ; да дойму же я его, коли онъ знаетъ меня не будетъ!»

И приснился Никола Марку Терпѣливому. «Молись, говоритъ, Марко, Ильѣ Пророку, гнѣвенъ онъ на тебя за то, что не молишься. Не будешь ему молиться, дойметъ онъ напередки. Лучше мнѣ не поставь свѣчи или тоненькую принеси, а его первымъ долгомъ уважь».

И молится съ тѣхъ поръ Марко Терпѣливый Ильѣ Пророку да Николѣ Угоднику. А Илья пророкъ съ тѣхъ поръ и къ Марку милостивъ сталъ.

(Записано въ с. Разгулай, Медвѣдовской вол., Варнавинскаго у.)

Чего на свѣтѣ не бываетъ?

Жилъ былъ баринъ богатый—пребогатый. Не зналъ онъ куда свои деньги дѣвать. Блѣ-пилъ сладко, одѣвался нарядно, гостей у него каждый Божій день столько было, что у иныхъ по праздникамъ того не бывало. А все у него денегъ не убывало, еще прибывало.

И захотѣлось разъ барину пошутить надъ мужикомъ-дуракомъ себѣ и гостямъ на потѣху. Призываетъ онъ самаго бѣднаго мужика изъ деревни и говоритъ ему: «слушай, мужикъ! дамъ я тебѣ денегъ цѣлую маленку (четверикъ) только скажи мнѣ, чего на свѣтѣ не бываетъ? Нынче люди до всего дошли: и на чертѣ ѣздятъ, и по небу летаютъ, и въ Питеръ по проволоку лапти послать можно. Скажи же—чего на свѣтѣ не бываетъ?»

Почесалъ мужикъ затылокъ. «Не знаю, говоритъ, баринъ, кажись и взаправду все на свѣтѣ бываетъ. Дай сроку до завтра, можетъ и вздумаю».

«Ну, поди, подумай», говоритъ баринъ, «а завтра приходи, отвѣтъ приноси».

Мужикъ до пѣтуховъ не спалъ, все барскую загадку отгадывалъ. Раздумаетъ, такъ и мало ли чего на свѣтѣ не бываетъ, а и то въ умъ придетъ: можетъ это и бываетъ, только я не знаю. Ну, да ладно, скажу на удачу, авось чего и не бываетъ.

На другой день пришелъ онъ къ барину.

— Ну, что, мужикъ, теперь знаешь, чего на свѣтѣ не бываетъ?

— Одного, баринъ, не бываетъ: топоромъ никто не подноясывается, ногъ за топорнице не заткнетъ.

Усмѣхнулся баринъ, усмѣхнулись и гости; видятъ: мужикъ-то сѣръ, да умъ-то у него не волкъ съѣлъ. Надо маленьку отмѣривать. Да баринъ не то денегъ пожалѣлъ, не то хотѣлъ еще надъ мужикомъ пошутить, кто его знаетъ, только и говорить мужику:

— Нашелъ, братъ, что сказать. У насъ подлинно этого не дѣлаютъ, а въ чужихъ земляхъ такъ сплошь да рядомъ. Ступай съ Богомъ до завтра! придумаешь—отвѣтъ принеси.

Продумалъ мужикъ и другую ночь. Что ни надумаетъ—все надежда плохая на барскія деньги. Хитры нѣмцы, думаетъ, у нихъ, можетъ, все бываетъ. Ну, да скажу еще чтонибудь.

Приходитъ на утро къ барину.

— Ну, мужикъ, все ли на свѣтѣ бываетъ?

— Не все баринъ: баба попомъ не бываетъ, красная дѣвка обѣдни не служить. (Вариантъ: Перегорода (т. е. изгородь) на собаку не лаетъ). Усмѣхнулись всѣ, только баринъ опять ему денегъ не далъ.

— Нѣтъ, говорить, это бываетъ; по нѣмечинѣ и всё такъ. Поди, подумай послѣдній разъ! Скажешь, бери деньги, а то не прогнѣвайся.

Плюнулъ съ досады мужикъ, идучи домой, думаетъ: видно одному только не бывать, чтобы у меня деньги были.

Всетаки черезъ ночь опять идетъ къ барину. Наскажу, думаетъ, ему всякой всячины, можетъ, что и небывальщина будетъ.

— Ну, что хорошенькаго скажешь спрашиваетъ — баринъ. Не узналъ ли, чего на свѣтѣ не бываетъ?

— Все, баринъ, бываетъ, говорить мужикъ. Думалъ я, что люди, хоть на небо не попадаютъ, а здѣсь самъ побывалъ, теперь повѣрилъ, что и это бываетъ.

— Какъ же ты на небо попалъ?

— Покойница жена побывать наказывала и подводу за мной выслала: двухъ журавлей въ разнопряжку; уповодомъ доѣхали. Повидался съ ней, съ ребятишками, и къ твоей милости воротился.

— И назадъ съ журавлями?

— Нѣтъ, назадъ я сорочилъ.

— Какъ же ты, мужичекъ, не убится?

— А такъ, что по уши въ землю завязъ, не жестка земля попалась.

— Изъ земли же какъ выльзъ?

— Хе!... какъ? а сходилъ домой, принесъ лопату, выкопался да и выльзъ.

— Не видалъ ли ты на небѣ покойнаго барина, моего родителя?

— Какже, видѣлъ, къ ручкѣ допустить изволили.

— Ну что онъ тамъ дѣлаетъ? допрашиваетъ баринъ.

А мужикъ то не будь плохъ, сдогадался и говоритъ:

— Что покойный баринъ дѣлаетъ? да послѣ моихъ ребятишекъ постилки моетъ.

— Врешь, мужикъ-дуракъ! закричалъ баринъ. Того на свѣтѣ не бываетъ, чтобы баринъ у холопа няньчился! Бери деньги, да не мели окоlesiцы.

Чье мастерство мудренѣе.

Спорилъ разъ нѣмецъ съ русскимъ, чье мастерство мудренѣе. Нѣмецъ былъ часовщикъ, а русскій—простой плотникъ. Закладъ положили по сту рублей. И уговорились, что черезъ недѣлю сойтись вмѣстѣ и при честной компаніи показать всякому свое мастерство. И кто изъ нихъ хитрѣе по своей части работу представитъ, тому и закладъ отдать.

Вотъ прошла недѣля. Пришелъ нѣмецъ, пришелъ и русскій; и народу много собралось, всѣмъ любопытно,—кто кого перехитритъ: нѣмецъ-ли русскаго? или русскій верхъ возьметъ?

Первый сталъ показывать нѣмецъ. Вотъ онъ вынулъ стеклышко и положилъ на столъ, а на это стеклышко изъ маленькой коробочки выпустилъ подкованную блоху. Да, такъ-таки на всѣ шесть ногъ по серебряной подковкѣ и подбилъ! Та по стеклышку прыгаетъ и ножками чикъ, чикъ, чикъ!....

Всѣ диву дались. Ну, хитеръ нѣмецъ! Куда тутъ русскому носъ совать? Все же ждутъ, чѣмъ и плотникъ дивить станетъ. А у него одинъ топоръ за поясомъ.

— Какое, спрашиваютъ, ты издѣліе свое принесъ?

— Никакого, говорить. А только покажу я вамъ, какую въ топорѣ вѣрность имѣю.

И велѣлъ онъ принести со двора деревянный чурбашекъ; онъ идучи его примѣтилъ. Завязывайте, говорить, мнѣ глаза, я - де и безъ нихъ обойдусь.

Завязали ему глаза. А онъ лѣвую руку на чурбанъ плашмя положилъ, а въ правую топоръ взялъ и, что есть силы, промежь пальцами рубить началъ, инда на полвершка топоръ въ чурбанъ вязнетъ. Промежь каждымъ пальцемъ не одинъ разъ ударилъ.

Тутъ всё не то что диву дался, а и со страху обмерли. Себя де челоуѣкъ искалѣчить, да и денежки кровныя отдасть.

Не тутъ-то было. Рубилъ, рубилъ.....

— Будетъ ли? говорить. А то давай де, нѣмецъ, и твою блоху, клади на чурбанъ..... Я и ее топоромъ найду.

Нѣмецъ и спорить не сталъ, закладъ русскому выдалъ.

Наговореный квасокъ.

Въ одной семьѣ никакъ не было ладу. Мужъ то и дѣло жену билъ: не могла она никогда противъ его смолчать. Онъ слово скажетъ, а жена три, онъ три, а та десять. Не возьметъ мужъ словами, колотить жену почнетъ. Не житье было у нихъ, а каторга: ничего то въ гладь не скажутъ, ничего то по людски не сдѣлаютъ. Съ жены синяки такъ и не сходили. Да навернулся къ нимъ добрый челоуѣкъ—странникъ проходной. Мужа не было дома. Баба и почала жаловаться страннику на свою долю горемычную, на мужа-лиходѣя.

«А ты бы, умница, и смолчала», присоветовалъ странникъ.

«Такъ и стала молчать противъ врага», говоритъ баба.

«Вотъ прїѣдетъ онъ, окаянный, изъ лѣсу, зарычить, какъ звѣрь: и обѣдать давай!... и онучи сухія носи!... и лошади сѣна дай!... Да все чтобы живо ему. Не разорваться же мнѣ. Охъ, ужъ доля моя такая горемычная. Ты, Божій челоуѣкъ, не знаешь ли вотъ заговора, какъ моего врага усмирить, чтобы не дрался то онъ? На квасокъ не пощепчешь ли? или на воду?»

Странникъ подумалъ и говоритъ:

— Знаю. Пожалуй пощепчу тебѣ на квасокъ... А ты, какъ прїѣдетъ мужъ, да начнетъ браниться, возьми этого квасу въ ротъ и удержи во рту, не глотай, не выплевывай.

Коли послушаешь меня,— помяни мое слово, — перестанетъ драться.

Пощепталъ странникъ на квасокъ и пошелъ своей дорогой.

Прїѣхалъ мужъ изъ лѣса усталый и закричалъ:

— Обѣдать! Живо, поворачивайся!...

Жену такъ и подмываетъ сказать ему: «Погоди де, не торопись: у меня и щи то не упрѣли». Да сказать то ей ничего нельзя: квасъ во рту. Мужъ ѣстъ недоваренныя щи, а самъ бранится.

«Я какъ собака усталъ, а она только устряпалась. И что здѣсь дѣлала, лѣница проклятая». Жена все молчитъ, боится квасъ выпустить. Мужъ пересталъ ругаться и ни разу жены не ударилъ, а пообѣдалъ и улѣзъ на полати.

На другой день та же исторія. Мужъ бранится, а жена молчитъ. Мужъ съ дива пропалъ, что съ женой сдѣлалось? Ну, и его совѣсть зазрила: что де я лаюсь? Пересталъ не то что драться, а и браниться. Зажили они съ тѣхъ поръ въ мирѣ и согласіи. Помогъ наговореный квасокъ.

Ложечка „Солозобочка“.

Ѣхалъ ложкарь по деревнѣ, бабамъ ложки продавалъ.

Одна затѣйная бабенка и говоритъ ему:

«Простыхъ то ложекъ у насъ много накуплено. А вотъ кабы ты такія ложки возилъ, чтобы безъ соли сами солили».

Ложкарь посмотрѣлъ на бабенку да и шутить:

— Есть у меня и такая ложечка: «солозобочка» называется, что и безъ соли въ самую пору насолить. Только надо особое слово знать.

А баба и повѣрила, спрашиваетъ: «Какое слово, дядя?»

— А тому, говоритъ скажу, кто ту ложку купитъ.

— Продай мнѣ.

— Купи.

— Дорога-ли?

— Цѣлковый.

— Дамъ и цѣлковый. За то соли никогда покупать намъ не доведется.

Увела баба ложкаря въ избу и обѣдать усадила. Кстатѣ де и ложку попробуемъ. Наклала варева. Ну-ка, говоритъ, посоли, дядя, новой ложечкой. Какое такое слово ты знаешь?

Ложкарь вынулъ ложечку позатѣйную и началъ мѣшать въ блюдѣ, самъ приговариваетъ: «Шуни, да буни, да солоно буди!»

Баба отвѣдала. И взаправду солоно стало. А того и не замѣтила, какъ ложка изъ рукава соли въ блюдо сыпнула. Не пожалѣла цѣлковаго, думаетъ: «то-то меня мужъ похвалитъ».

Вотъ приѣхалъ мужъ изъ лѣса. Жена и говоритъ ему: скажи мнѣ, хозяинъ, «спасибо».

— За что? говоритъ.

— А за то, что ужъ теперь соли покупать намъ не надо. Я такую ложечку купила, что безъ соли солить. Всего-то рубль заплатила.

Наклала она мужу шей поскорѣе, достала покупку и мѣшаетъ: «шуня да буня, да солоно буди».

— Отвѣдай -ка! Небось не расплюешь.

Мужъ отвѣдалъ... Да какъ выхватить ложку у жены и давай ей по женѣ нахаживать... А самъ приговариваетъ: «шуня да буня, да солоно буди».

Солоно бабѣ пришлось.

Неграмотный да догадливый.

Еще въ старыя времена приѣхалъ попъ на приходъ. И былъ онъ совсѣмъ неграмотный, такъ изъ простыхъ мужиковъ въ попы произвелся. Только и есть, что больно памятьливъ былъ и всю службу Божию на память выучилъ. Одного лишь не зналъ — какъ по евангелію читать.

Вотъ сталъ онъ первую обѣдню пѣть. Дошло дѣло до евангелія...

Какъ быть? читать то не умѣетъ. Вышелъ къ народу и спрашиваетъ:

«Православные! знаете ли вы слово Божіе?».

А мужики говорятъ: «какъ не знать батюшка, знаемъ»,

«Ну а коли знаете, и читать вамъ нечего». Такъ и пропустилъ евангеліе.

Другую обѣдню сталъ служить и опять спрашиваетъ:

«Знаете ли вы православныя слово Божіе»? Мужики сдоганулись.

«Не знаемъ де, батюшка, почитай намъ».

«А коли не знаете, такъ и читать Вамъ нечего: все равно — не поймете», говоритъ попъ. И эту обѣдню прослужилъ безъ евангелія.

Только и сговорились мужики, какъ ни какъ, а чтобы читалъ имъ новый попъ во евангеліе.

На третій разъ, какъ сталъ попъ ихъ спрашивать, знаютъ-ли они слово Божіе, — «знаемъ ли, не знаемъ ли, читай! поди грамотный» говорятъ.

Только попъ и тутъ не обробѣлъ.

«Запирай, говоритъ, сторожъ, церковь!... Будетъ де теперь трехдневное чтеніе... Да смотри у меня — до конца никого не выпускай».

— Батюшка! взмолились мужики, — по мѣрѣ овса тебѣ соберемъ, только выпусти.

Съ тѣхъ поръ перестали къ попу приставать, чтобъ слово Божіе читалъ. Долго слушать.

Звонъ въ великій постъ и во Св. Пасху.

У одного помѣщика собрались гости, кажись на именины. Былъ и попъ съ дьячкомъ. Одинъ баринъ выпивши-то и говоритъ:

«Госка, право, этотъ постъ у васъ. Зазвонятъ, всю душу вытянутъ. Бамъ!... бамъ!... бамъ!»... А самъ дьячка-то за косицу и дернетъ каждый разъ. «Бамъ!»..., а самъ дернетъ. Дьячекъ морщится, а терпитъ. Натѣшился баринъ, пересталъ. А дьячекъ-то вцѣпилъ барину во всю голову и давай наяривать, а самъ приговариваетъ: «не все, баринъ, великій постъ, доживемъ и до Святой Пасхи! А о Пасхѣ-то мы вотъ какъ звонимъ: Тини, тини, бомъ, бомъ, тини бомъ, бомъ»... ..

Да такъ назвонилъ, что искры изъ глазъ....

Рыбакъ.

Большой любитель былъ о. Миронъ до рыбки. Чуть времечко свободное выпадетъ, бѣжитъ съ удочками на рѣку.

На какой-то праздникъ никакъ у него не клевало. А все о. Миронъ надежды не теряетъ, все на берегу сидитъ. Пора бы ужъ и къ вечернѣ звонить. Пономарь еле нашелъ его на рѣкѣ.

«Не пора ли батюшка къ вечернѣ?»

— «Ни, ни, ни! Замахалъ руками о. Миронъ. — Ни за веревочку. Какъ Онъ мнѣ, такъ и я Ему!»

Давши слово, держись.

Пропали у мужика лошади, цѣлая тройка. Искаль, искаль, съ ногъ сбился,—нѣтъ лошадей. И взмолился онъ Николѣ Угоднику: «батюшка Никола, пособи лошадушекъ найти! Рублевую свѣчу куплю да тебѣ поставлю!»

Только онъ это вымолвилъ, глядь, лошади-то и бѣгутъ... прямо къ нему. Обрадовался мужикъ, что скоро нашлись. Да жалко стало свѣчи-то рублевой. «Не ты, говоритъ, Никола, нашель. Лошади-то сами прибѣжали. Живешь и безъ свѣчи».

Только сказалъ онъ это слово неразумное, лошади-то взвились... да отъ него... и изъ глазъ пропали. Тутъ ужъ и не одну свѣчу мужикъ сулилъ, а все лошадей не могъ найти, потому въ первомъ словѣ не устоялъ.

Вкусами не сошлись.

Старикъ со старухой все за столомъ ссорились. Старикъ любилъ солоно хлебать, а старуха безъ соли ѣла. Накладуть блюдо щей. Старикъ солить станетъ. «Соли подъ свой край, заворчитъ старуха, подъ мой не надо». Старикъ подъ свой край чуть не цѣлую ложку соли бухнетъ, а старуха своей ложкой отъ себя отгребать почнетъ, сама приговариваетъ: «мнѣ не надо! Мнѣ не надо! Я безъ соли люблю».

Такъ весь свой вѣкъ и ѣли.

Несоленый кисель.

Вышла дѣвка замужъ и стала хозяйкой. Нужно чѣмъ нибудь мужа кормить, а стряпать то не умѣетъ,—потому за большухой, за матерью жила. И запросилъ мужъ у молодой жены киселя овсянаго. Какъ быть? Солить ли кисель, когда варить будетъ? А что-то такое слыхала: то посолить надо, то солить не надо. Хоть бы у сосѣдки спросить, такъ стыдно: по всей деревнѣ просмѣютъ. Вотъ вышла она на улицу, смотритъ,—шерстобить проходить. Она и давай его бранить ни за что, ни про что: «экой, говоритъ, ты, дядя, несоленый кисель!» А онъ ей: — Дура баба, да развѣ кто кисель солить? А она тому и рада и на «дуру» не осердилась; теперь узнала, какъ кисель варять. Кисель сварила и мужа накормила.

Нужна догадка.

Зашелъ солдатъ къ одной бабѣ пообѣдать. Та и наложила ему блюдо гороху, только масла никакъ не даетъ—скупа была. А солдатъ ужъ больно съ масломъ-то любилъ. Какъ масла выпросить? «Слушай, говоритъ, старая, за хлѣбъ да за приварокъ мы въ пятакъ уговорились. За масло особая цѣна будетъ—не жалѣй его. Что звѣздочекъ масляныхъ наверху всплыветъ, столько и копеекъ съ меня получишь». Та обрадовалась, да бухъ въ блюдо все, что въ бутылкѣ было, чуть не полфунта вылила. Масло-то въ одну звѣздочку и слилось. Только копейку и получила баба съ солдата.

КОСТРОМСКАЯ
областная библиотека
им. Н. К. Крупской

119
2

